

таинственной природы, определяет орбиты планет и рассчитывает движение звезд — я с презрением отвергаю (*respuo*) все это Пифагор выделяет на сфере земли параллели — я не испытываю к этому никакого почтения (*parvipendo*)... Евклид бьется над запутанными задачами о своих геометрических фигурах — я также отвергаю (*aequedeclino*) его. Что же до всяческих риторов с их силлогизмами и софистическими завышками, то я считаю их недостойными касаться этой темы». Эти строчки из книги «Господь с вами» («*Dominus vobiscum*») показывают нам святого, средневековую натуру которого невозможно отрицать, но святость которого противоположна святости не менее средневекового по своему характеру Альбер

та Великого. Библиотека, краткий каталог которой мы находим в его сочинении «Обороте отшельников» («*De ordine eremitarum*»), содержала Ветхий и Новый Заветы, мартиролог, гомилии и аллегорические комментарии к Священному Писанию Григория Великого, Амвросия, Августина, Иеронима, Проспера Аквитанского, Беда, Ремигия Оксеррского, Амалария, Эмона Оксеррского и Пасхазия Ратберта. Этих книг монаху хватит для того, чтобы спасти не только свою душу, но и души других. Если бы философия была необходима для спасения людей, пишет Дамиани в книге «О святой простоте» («*De sancta simplicitate*»), то Бог послал бы для их обращения философов; однако Он послал рыбаков и иных простых людей. Чтобы умертвить тысячу филистимлян, Самсону понадобилась лишь ослина

челюсть: эта челюсть — символ смирения, которого хочет Бог от исповедующих Его Учение. Вот каким путем — а не наукой — достигают обращения.

Откуда же происходит философия? Это — изобретение дьявола, она испорчена, начиная с грамматики. Мы наблюдаем, что некоторые монахи предпочитают правила Доната правилам св. Бенедикта*, и однако, кто же был первым преподавателем грамматики, если не бес? «Будете, как боги, знающие доб-

ро и зло (Быт. 3:5). Так вот, брат. Хочешь учиться грамматике? Научись склонять слово *Deus* (Бог) во множественном числе!» Инвективы против словесности вынудили Петра Дамиани прибегнуть к риторике, горячность которой нередко чрезмерна, а за свое презрение к науке он заплатил самым наивным легковерием. Как народные проповедники, он часто принимает на веру самые невероятные истории, лишь бы они привели противника в замешательство и позволили сразить его в споре. Не следует считать его глупцом. Петр Дамиани умел пользоваться философией против нее самой и не без изящества сделал это в трактате «О Божественном всемогуществе» («*De divina omnipotentia*»)* *.

Христианин должен относиться к философии так, как Моисеев закон предписывал еврею относиться к пленнице, которую тот желает взять в жены (Втор. 21:10—13), — классическая тема, которую Петр Дамиани резюмирует следующим образом: «*pop debet jus magisterii sibi met arroganter arripere, sed velut ancilla dominae quodam famulatus obsequio subservire*»***. В средние века эта формула считалась универсальной, однако ее применение имело множество нюансов. Отправным пунктом трактата «О божественном всемогуществе» является застольная беседа, в ходе которой некто цитирует слова св. Иеронима: «Бог может совершить все что угодно, но только не сделать случившееся не случившимся»****. Петр Дамиани выступает против Иеронима и доказывает, что воля Бога — единственная причина всего существующего. Когда ему возражают, что Бог может разрушить Рим, но не может сделать так, чтобы Рим никогда прежде не существовал, он отвечает, что если это верно по отношению к прошлому, то верно также и по отношению к настоящему и будущему, ибо если невозможно, чтобы то, что